Савостина Марина Ивановна
Преподаватель
МАУДО «Первомайская ДШИ»

Музыкальные иллюстрации–
Рябкина Татьяна Сергеевна,
преподаватель МАУДО «Первомайская ДШИ»

«В каждой мимолётности вижу я миры…»

(Фортепианный цикл «Мимолетности» С.Прокофьев – К.Бальмонт)

Начало XX столетия - взрывчатое, бурное время, и в этот вихревой поток С. Прокофьев ворвался как нечто неповторимое и новаторское. Неудивительно, что представители «серебряного века» не поняли его музыку, и только немногие смогли увидеть в нём создателя нового искусства. Он был художником дерзким, своенравным, не терпевшим никаких штампов, и его произведения, как правило, были новым словом в искусстве.

Прокофьев был творцом светлого, жизнелюбивого искусства. Д.Б.Кабалевский назвал его ***«Восторженным певцом жизни, солнца и молодости».***

Действительно, он был солнечным композитором. Широко известно, что композитор однажды завёл альбом с названием «Что вы думаете о солнце?» Ответ на этот вопрос в альбом записывали многие крупные музыканты, литераторы, художники.

Поэт К.Бальмонт в августе 1917 года вписал в альбом Сергея Прокофьева «Что вы думаете о солнце?» свой сонет:

Ребёнку богов, Прокофьеву

Ты - солнечный богач. Ты пьёшь, как мёд, закат.
Твое вино - рассвет. Твои созвучья, в хоре,
Торопятся принять в спешащем разговоре
Цветов загрезивших певучий аромат.
Вдруг в золотой поток ты ночь обрушить рад.
Там где-то далеко рассыпчатые зори
Как нитка жемчугов, и в световом их споре
Темнеющий растёт в угрозном гуле сад.
И ты, забыв себя, но сохранивши свет
Степного ковыля, вспоенного весной,
В мерцаниях мечты, все новой, все иной,
С травинкой поиграл в вопросы и ответы,
И в звук свой, заронив поющие приметы,
В ночи играешь в мяч с серебряной луной.

Этот солнечный свет был неистребим, и Прокофьев пронёс его через все коллизии своей нелёгкой жизни.

С Константином Дмитриевичем Бальмонтом - популярнейшим русским поэтом Сергей Прокофьев сблизился в 1915 году . Бальмонт был одним из зачинателей нового направления в литературе - символизма. Поэтический мир поэта - мир тончайших мимолётных наблюдений и хрупких чувствований, мир «солнечности» и стремления к постоянному обновлению - оказался близок творчеству молодого композитора. Близок оказался Прокофьеву и мистицизм, занимавший столь большое место в воззрении поэта.

После одной из встреч с К. Бальмонтом Прокофьев пишет с восторгом о созерцании небесных тел над ночными осенними улицами Петрограда: ***«Идя от Бальмонта, любовался звёздами. Наконец-то отдёрнулся облачный полог – и какая радость было увидеть и красавца Ориона, и красный Альдебаран, и красный Бетельгейзе, и чудный зеленовато-бледный бриллиант Сириуса. Я смотрел на них новыми, открывшимися глазами, я узнавал их по заученным расположениям на звёздных картах – и будто какие-то нити связывали меня с небом! Было четыре часа ночи, надо было спать, а белый Сириус стоял прямо под окнами и не давал глазам оторваться от него!»***

Познакомившись со стихотворением К. Бальмонта **«Я не знаю мудрости»,** композитор увлёкся идеей огненной изменчивости, «мгновенности» и решил взять из него название для своего сочинения - **«Мимолётности».**

Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры.
Полные изменчивой радужной игры.

Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей… Вас я не зову!

Константин Бальмонт был необычайно захвачен музыкой Прокофьева. В ней он находил ту звучащую магию, которая стала основой всего поэтического творчества.

«Мимолётности» объединили в себе и живописные, и литературные впечатления композитора. Стремление передать, «игру мгновения»,

изменчивость и неуловимость состояния мира, души человека перекликается с творческим кредо художников-импрессионистов, с живописными беспредметными образами.

Философская идея нашла отражение и в самой музыкальной ткани произведения. Каждая пьеса цикла настолько коротка, что её сравнивают с миражом в пустыне, который, то исчезает, то появляется снова. В музыке «Мимолётностей» нет каких-либо реальных пейзажей, портретов, она построена на сочетании ломаных линий-мелодий, ритмов, необычных гармоний, напоминающих красочные пятна картины.

Будучи своеобразными страницами дневника, «Мимолётности» стали и своего рода «кратким словарём» стиля Прокофьева. Они вобрали в себя основные типы прокофьевских образов, сконцентрировали основные элементы речи.

Важное значение этих пьесок сразу ощутил Н. Я. Мясковский, внимательно следящий за творчеством Прокофьева: ***«Мимолетности» — ряд небольших по размеру, но крупных по внутреннему содержанию пьесок— писал он. — Это как бы моментальные записи минутных настроений, капризных вспышек фантазии, моментов внезапного душевного сосредоточения или беспредметного лиризма; то это легкая шутка, как бы луч улыбки, то острый, неожиданно сорвавшийся афоризм, то взволнованно-негодующий порыв, то, наконец, какое-то безвольное погружение в потустороннее. Преобладают настроения мягкие, мечтательные, усмешливые, изысканно-простые, но, благодаря вкрапленным среди них эпизодам сильным и бурным, целое не получает характера однотонности и однообразия. ...В «Мимолетностях» явно чувствуется какое-то органическое углубление, обогащение авторской души; чувствуется, что композитор уже прошел полосу стремительного — сломя голову — бега и начинает приостанавливаться, оглядываться по сторонам, замечать, что вселенная проявляет себя не только в сногсшибательных вихрях, но что ей свойственны, при постоянном движении, и моменты глубокого растворяющего душу покоя и тишины...».***

Цикл «Мимолетностей» можно разделить по характеру выраженных в них образов и настроений на несколько групп. Прежде всего,— нежные, мечтательные, порой сказочные и неизменно подлинно лирические. Таковы №№ 1, 2, 8, 16, 17, 18, 20. Это — и наиболее национально выраженная, интонационно русская группа пьес. Каратыгин отмечал, что ***«там и здесь, среди всяческих задорных всплесков и взвизгов, суетни и кутерьмы, вдруг пахнет на вас чем-то нежным, кротким, сладостным. Прокофьев и нежность... не верите? Убедитесь самолично, когда эта прелестная сюита выйдет в свет».***

Вторая группа — пьесы скерцозные, задорные, порой шутливо-юмористические. Таковы №№ 3, 5, 10, 11. Они насыщены юношеской жизнерадостностью. Мир такого рода образов волновал композитора всегда.

И, наконец, третья группа — пьесы остро экспрессивные, необузданно динамичные, а иногда и драматические. Это №№ 4, 14, 15, 19. Они порождены не только эмоциями беспокойства, тревоги, конфликтности. В них очень сильны и чисто зрительные, и театрально-действенные моменты, то есть то, что в дальнейшем получит свое яркое развитие в драматических коллизиях его оперных и балетных сцен.

Остальные номера цикла стоят особняком, разрешая самые различные образные и языковые задачи (например, «Мимолетность» № 7, как бы подражающая арфе).

В 1968 году фортепианный цикл «Мимолётности» дал рождение балету, превратившему сочинение С. Прокофьева в вереницу зримых хореографических картин. А в 1975-м - анимационному фильму, в котором персонажи и пейзажи оживают под звуки фортепианных миниатюр.

Благодаря стараниям выдающегося отечественного дирижёра Рудольфа Баршая, фортепианный цикл «Мимолётности» получил новую художественную интерпретацию. Музыкант сделал аранжировку произведения для струнного оркестра. По богатству тембров, певучести звука струнных инструментов оно не уступает фортепианному оригиналу, - утверждают музыковеды.

Хотелось бы закончить словами Д.Б. Кабалевского ***«музыка Прокофьева дала людям растревоженного, сурового и жестокого XX века ту радость и свет, которых им так часто недостаёт».***